

СМЫСЛ КАК СОЦИО-ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В.И. Шаховский, П.С. Волкова

Исследуется смысл как единство невербальных и вербальных элементов индивидуальной информационной системы. В противоположность отмеченному вербальностью объективному значению смысл предстает intersubъективным феноменом. Подчеркивается ведущее место и роль эмотивной парадигмы коммуникологии в силу универсальности (методологичности) эмотивности, как коммуникативной категории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысл, значение, эмотивность, актуальные эмотивы, потенциативы, универсальная социальная деятельность, искусство, intersubъективный феномен, автоматизм, деавтоматизация

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник Волгоградского государственного социально-педагогического университета. shakhovsky2007@yandex.ru

ВОЛКОВА Полина Станиславовна – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доктор искусствоведения, профессор 6 кафедры русского языка Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко. polina7-7@yandex.ru

Цитирование: Шаховский В.И., Волкова П.С. Смысл как социо-психологический феномен: методологический подход [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 4. – С. 1–26. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

MEANING AS A SOCIO-PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON: A METHODOLOGICAL APPROACH

Viktor I. Shakhovsky, Polina S. Volkova

The meaning is studied as a unity of non-verbal and verbal elements of an individual information system. In contrast to the objective meaning noted by verballity, meaning is an intersubjective phenomenon. The leading place and role of

the emotive paradigm of communicology is emphasized due to the universality (methodology) of emotiveness as a communicative category.

KEY WORDS: sense, meaning, emotivity, actual motives, potentials, universal social activity, art, intersubjective phenomenon, automatism, de-automation

SHAHOVSKY Victor I. – DSc in Philology, professor, Honored Scientist of Russia, professor, chief researcher of Volgograd State Social-Pedagogical University. shakhovsky2007@yandex.ru

VOLKOVA Polina S. – PhD in Philology, Doctor of Philosophical Science, Doctor of Arts, professor 6 of the Russian language department of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko. polina7-7@yandex.ru

Citation: Shakhovsky V.I., Volkova P.S. Meaning as a socio-psycholinguistic phenomenon: a methodological approach // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 4. – P. 1–26. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение

В одной из работ, посвященной исходным представлениям и категориальным средствам теории деятельности, отечественный методолог Г.П. Щедровицкий высказал мысль, значимость которой для современной лингвистики видится весьма перспективной: социальная деятельность индивида – «не ... атрибут отдельного человека, а ... исходная универсальная целостность» (Щедровицкий, 1995: 241). Другими словами, не столько индивиды выступают создателями и производителями деятельности, сколько сама деятельность формирует индивида, заставляя его вести себя так, а не иначе. Выстраивая систему аргументации, Щедровицкий обращается к авторитету В. фон Гумбольдта, настаивающего на том, что не люди овладевают языком, но, напротив, язык овладевает людьми. Позиция Гумбольдта становится для отечественного методолога безоговорочным

свидетельством того, что язык являет собой частную форму исходной социальной целостности.

Принимая во внимание закон диалектики части и целого, нельзя не признать: устойчивое развитие социума обуславливается устойчивым развитием индивида. Их взаимозависимость опознается в том, что, как правило, процесс социализации молодого поколения россиян осуществляют входящие в те или иные социальные институты индивиды, в том числе институт семьи, отвечающий за первичную социализацию. При этом одним из базовых средств социализации становится язык, реализуемый в коммуникативном акте. Напротив, то обстоятельство, что процесс социализации фундируется языком, выступающим в качестве *источника мышления*, как правило, выпадает из обозначенного процесса.

В данном контексте тот факт, что состояние современного социума все более отвечает ситуации, о которой пророчествовал в своем духовном завещании К.Г. Юнг – имеется в виду и главенство плоского рассудка, и одномерность сознания, и смирение человека перед все более набирающими силу призраками бессознательного – с очевидностью демонстрирует лишь одно: *homo verbo agens* находится в глубоком кризисе. Парадоксальность текущего момента опознается в следующем: деградация социума с неизбежностью приводит к деградации отдельных его представителей и наоборот. Одна из главных причин, иницирующих общий недуг, характерный и для социальной деятельности, как исходной универсальной целостности, и для языка, как ее частной формы, связывается нами с доминированием познавательной активности над смыслообразованием. В ракурсе социо- и психолингвистики речь идет о преобладании в жизнедеятельности индивида отмеченного отсутствием субъективного опыта значения, как пустой, полой формы, что приводит к смещению смысла на периферию сознания. Думается, сложившееся положение дел во многом определяется тем, что формирование языковой компетенции актора происходит на основе готовых речевых форм, как цепи устоявшихся

значений, отмеченных общеречевыми характеристиками. Подобный опыт ставит под сомнение вопрос о творческом характере языка как своего рода искусства.

Здесь же, на наш взгляд, особое значение приобретает некоторая недооценка научным сообществом, призванным способствовать формированию у индивида коммуникативных знаний, умений и навыков, феномена эмотивности. Имеется в виду трансформация эмоциональности, как психологического феномена в эмотивность, как нагруженный оценочным компонентом феномен языковой (Шаховский, 2008). Несмотря на прилагаемые в этом направлении усилия современных ученых (Палкин, 2002; Шаховский, Волкова, 2017: 138-163; Шаховский, Волкова, 2019), раскрытие методологического потенциала эмотивности по-прежнему остается не только актуальным, но и перспективным делом. Каким образом привести в соотношение смысл и значение? Является ли язык как искусство альтернативой готовым речевым формам, с которыми имеет дело актер? Наконец, какова во всем этом роль эмотивности? Думается, ответив на поставленные вопросы, мы гипотетически сумеем составить рецепт того «лекарства», которое оздоровит и социум, и отдельных его представителей.

Основная часть

Тот факт, что коммуникология проявляет нередко завидное согласие, игнорируя разницу между значением и смыслом в силу практически абсолютно «неконтролируемой подвижности их границ» (Межличностная коммуникация: теория и жизнь, 2011: 63), обусловлен, на наш взгляд, следующим. На протяжении всего своего существования коммуникология оперирует языком исключительно со стороны его знаковой формы. Поскольку на фоне целостности индивидуальной информационной системы, как единства вербального и невербального, рационального и иррационального, внешнего и внутреннего (Волкова, 2017: 207-214), такая форма оказывается ущербной, автоматизм оперирования языком для

пребывающего в среде знаковой структуризации индивида становится «естественным условием» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 92). Обособление языкового сознания от внеязыкового опыта приводит в итоге к тому, что, говоря на языке, мы следуем его правилам безотносительно того, понимаем ли мы эти правила или нет (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 93). Налицо ситуация, когда индивид оказывается во власти языкового механизма, в рамках которого употребление того или иного значения нередко предстает на уровне мышечной реакции организма на внешний раздражитель, иначе – языкового рефлекса. По-видимому, именно такой рефлекс В. фон Гумбольдт рассматривал с позиции «голового», т. е. абстрактного артикуляционного чувства (Гумбольдт, 1984).

Несколько иначе сходную точку зрения высказывает Дж. Г. Мид, научная деятельность которого осуществлялась в русле Чикагской социологической школы: «осознание или сознание не обязательны для присутствия значения в процессе социального бытия... несмотря на то, что значение может стать осознанным среди людей, оно присутствует в социальном действии *прежде* появления сознания и осознания значения» (цит. по: Ритцер, 2002: 251). На наш взгляд, отмеченное совпадение позволяет признать, что профессиональные действия современных коммуникологов-практиков во многом воспроизводят опыт софистов, подвергавшихся со стороны Сократа уничижительной критике. Приспосабливая абстрактные знания к потребностям масс, как одни, так и другие предстают создателями «школы слова», нередко достигая подлинного мастерства в обучении искусству говорения. Напротив, позиционировать коммуникологию как «школу мысли» невозможно до тех пор, пока желающий обрести коммуникативные навыки индивид оперирует значениями, обучаясь «использованию речевых форм через текст как конечный результат речемыслительной деятельности» (Съедин, 2004: 210). Почему?

Поскольку подобный опыт закрепляет за языковым мышлением статус устойчивой структуры, сам факт пребывания актора в таком состоянии языкового мышления сигнализирует о его выходе из сознания (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 40). Причем, трагизм пребывания индивида вне сознания, как правило, не осознается им в силу того, что значение выступает «представителем и носителем культуры» (Богин, 1993: 75) Другими словами, отсутствие сознания компенсируется здесь познавательной активностью, инициируемой языком как «природно данным объектом» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 129).

Соответственно, даже тогда, когда актер пребывает вне сознания, он не утрачивает природную способность к овладению самого разного рода информацией, в том числе и такой, как, например, информация об Энтони Берджессе или Стэнли Кубрике, осуществившим экранизацию романа «Заводной апельсин». В то же время, ответить на вопрос, насколько смысл первоисточника отличается от его экранной версии, такому индивиду будет не под силу, разве что он детально сумеет обозначить имеющиеся между одним и другим различия. Возникает парадоксальная ситуация, когда подчас отшлифованная до блеска познавательная активность, реализуемая посредством оперирования значениями, есть, а смыслообразования – нет. Именно в этом случае коммуникант испытывает террор кода, в котором таящийся в невербальных элементах контекст предстает умерщвленным. Потому обладание даже значительным объемом информации никоим образом не гарантирует актору выход на потенциально присутствующую между разрозненными фактами глубинную связь, обуславливающую имплицитно существующие между ними отношения – своего рода свидетельство целостности мира, частью которого является и сам человек.

Помимо этого, пользуясь готовыми речевыми формами, индивид с неизбежностью утрачивает осознание того, что собственно вербальность носит вторичный характер по отношению к невербальности. В данном контексте становится аксиоматичным положение, согласно которому

«...никакое содержание не коммуницируется, как сознание. Сознание постоянно должно возникать» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 67) По-видимому, такой опыт как нельзя более отвечает характерному для Гумбольдта пониманию языка. Не статичный *ergon*, но динамичная, отмеченная сугубо индивидуальным волевым усилием *energeia* выступает в качестве того нового в языке, что потенциально в нем присутствует, но «не подлежит высказыванию о себе заранее, т. е. вообще, а констатируется лишь в своей наличности, в частности» (Флоренский, 1999: 29). Каким образом происходит актуализация потенциально присутствующей в языке *energeia*?

Казалось бы, косвенный ответ на поставленный вопрос предлагает И.Д. Левин. Ученый высказывает гипотезу о том, что творческий характер языка, реализуемый в науке и искусстве, складывается из следующих ступеней:

- прекогнитивное состояние (переживание);
- когнитивное препредикативное состояние (восприятие);
- предикативное пререфлексивное состояние (интуиция);
- рефлексивное до символическое состояние (наука);
- рефлексивное символическое состояние (искусство) (Левин, 1994: 176).

Однако при этом остается неясным, что нужно сделать индивиду для успешного прохождения всех этих ступеней, добившись качественного результата, в том числе какие условия необходимо создать для оптимизации этого процесса? Пытаясь заполнить имеющийся пробел, обратимся к работе М.М. Бахтина, в центре которой – проблема материала, содержания и формы, рассматриваемых на примере художественного текста (Бахтин, 1994). Оговорим, что целесообразность такого шага обусловлена изоморфизмом человека и текста (Волкова, 2019: 258-264).

Сосредоточившись на поиске механизма, обеспечивающего со-бытие *данного* и *созданного*, М.М. Бахтин конкретизирует введенные им в научный оборот понятия таким образом, что данное предстает в качестве коррелята *познавательного* момента текста, созданное – момента *этического*. Что же

касается их со-бытия, то в рамках концепции Бахтина речь идет о диалоге сознаний, обеспечивающим формирование опыта по согласованию противоречий, инициируемых релевантной несовместимостью этического, как момента внутреннего, иррационального и познавательного – как момента внешнего, рационального. Проекция разрабатываемых М.М. Бахтиным категорий на область социо- и психолингвистики позволяет утверждать, что данное или познавательный момент текста оказываются синонимичными значению, созданное или этический момент текста – смыслу, как единству внешнего и внутреннего, рационального и иррационального, субъективного и объективного.

Поскольку обращение к предложенным М.М. Бахтиным оппозициям делает очевидным тот факт, что смысл фиксирует поворот от характерного для значения гносеологизма к аксиологии, выскажем следующее соображение. Актуализация потенциально присутствующей в языке *energeia* требует отказа от власти языкового механизма как данного природой объекта в пользу осуществляющего мыслеречевую деятельность субъекта, что ставит индивида перед необходимостью осуществить перекодировку имеющегося языкового опыта. Отдавая себе отчет в том, что «уловить идеи можно только лишив их на время тела, т. е. слова, в котором они выражены» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997: 26), обратим внимание на такие процедурные нормы, как *декодирование вербального знака* и его последующее *кодирование*.

Например, преследуя цель обрести личностный смысл в работе с портретом Сенеки, написанным рукой Пауля Клее, важно понять следующее. Почему изображенная на холсте абстракция, отмеченная доминированием красной краски, на фоне которой с очевидностью вырисовывается такая геометрическая форма, как круг связывается с портретом реального исторического лица? В поисках ответа, осуществляющий коммуникацию зритель уходит от одномерности цвета, обозначенного изначально как красный, пытаясь разобраться, идет ли речь о цвете крови, страсти, любви,

пламени, счастья, боли и т.п., проделывая «путь от единства к его расчленению» (Виноградов, 1980: 94) и обратно – от расчленения к новому единству. Кардинальное отличие последнего от изначально данного единства заключается в том, что если первое реализуется посредством абстрактного значения, то второе – посредством конкретного смысла. Заметим, что аналогичным образом происходит работа и с формой круга, и со всеми другими, изначально считаваемыми предельно однозначно, значениями (Волкова, Кочубей, 2019: 8-20).

Возвращаясь к обозначенным процедурным нормам, призванным осуществить деавтоматизацию языкового механизма и, одновременно, его деспонтизацию, подчеркнем важность следующего момента. Перевод вербальных элементов индивидуальной информационной системы в невербальные и обратно способствует *субъективизации* объективно накапливаемой природным механизмом информации и *объективизации* субъективного опыта. В первом случае речь идет о противостоящей языковому рефлексу рефлексивности, посредством которой «целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих в нем индивидов» (Щедровицкий, 1995: 253). В силу того, что подобный опыт обеспечивает актору возможность «примерять отношение другого к себе на себя, индивид оказывается способным не только *приспосабливаться* к этому процессу, но и *модифицировать* проистекающий процесс в любом данном социальном действии...» (цит. по: Ритцер, 2002: 253). Во втором – о способности отдалиться от себя самого, которая оборачивается движением на встречу ко всем, кто не я: «Я-единственный из себя исхожу – а всех других нахожу – в этом онтологически-событийная разнозначность» (Бахтин, 1994: 66).

Понятно, что такое движение противостоит «пассивной психической реакции», являя себя на уровне «активной нравственно значимой установки сознания» (Бахтин, 1994: 38). Специально оговорим, что поскольку «с исторической точки зрения наличие в языке немотивированных связей между значением и формой» (Кибрик, 1992: 130) видится весьма сомнительным,

нельзя не признать, что как декодирование вербального знака, так и кодирование полученного в результате декодирования невербального опыта одинаково подвержено эмоциям. Это тем более очевидно, что, как показывают экспериментальные данные, чем более расплывчатыми становятся формы в поле восприятия индивида, тем более сам индивид подвержен влиянию эмоций (Рейковский, 1979). Принципиальным для нас в данном контексте оказывается тот факт, что если процесс субъективизации объективно накапливаемой информации (декодирование) сводится на нет без последующей объективации субъективного опыта (кодирование), то манипуляция объективными значениями может осуществляться и вне его субъективации.

Косвенным свидетельством верности представленной позиции будут отдельные положения концепции Дж. Г. Мида – основоположника символического интеракционизма. Выявляя соответствие между, с одной стороны, скрытым и явным поведением, с другой, – символом и значением, ученый настаивает на том, что если скрытое поведение как процесс мышления актора, включающий символы и значения, коррелирует с его – актора – внутренним поведением, то явное поведение коррелирует с внешним поведением. Несмотря на то, что оба поведения реальны, у отдельных акторов явное поведение не содержит скрытого, «место» которого занимают «привычное поведение или бессознательные реакции на внешние стимулы» (цит. по: Ритцер, 2002: 263). Ситуация, отмеченная совпадением внутреннего и внешнего, квалифицируется Мидом как социальное (коммуникативное) *взаимодействие*. Напротив, отсутствие искомого совпадения являет собой образец социального (коммуникативного) *воздействия*.

Осуществив проекцию опосредуемого значениями социального воздействия на область психолингвистики, можно предположить, что неосознаваемые сознанием мидовские значения выступают аналогом «равнодушных значений» (А.Н. Леонтьев), т. е. того строительного

материала, который призван обеспечивать процесс адаптации индивида к окружающему его миру природы и миру людей и посредством которого реализуется познающая деятельность сознания (Леонтьев, 1983). Речь идет о том, собственно равнодушие, как биологическая функция, «...есть освобождение нас от многообразия бытия, отвлечение от практически не существенного для нас» (Бахтин, 1994: 59-60), своего рода экономия сил, предназначенных исключительно для выживания особи. Именно поэтому преобладание равнодушных значений с неизбежностью ограничивает человеческую жизнь биологическими потребностями и сугубо практическими интересами, затрудняя проникновение в мир идеальный, обретаемый благодаря характерным для искусства, философии, науки или религии духовным практикам. Пример такой биологизации мы находим в повести В. Пелевина «Жизнь насекомых» (Пелевин, 2017). Если бы не помещенный на обложке книги слоган «Муравей муравью – жук, сверчок и стрекоза» – своего рода калька одной из заповедей Морального кодекса строителя коммунизма «человек человеку – друг, товарищ и брат», то, знакомясь с главными героями повести и обнаруживая в них приметы окружающих нас людей, мы вряд ли смогли догадаться, что диалоги, возникающие между Арнольдом, Артуром, Наташей, а также их житейские невзгоды и проблемы – все это история, в центре которой – комары, гусеницы и другие насекомые.

Вместе с тем, террор кода, т. е. реализуемой на уровне равнодушных значений вербальности, порождает у индивида ложную установку сознания, которая обуславливает распространение среди представителей той или иной социальной группы двойной морали и, как следствие, теневой коммуникации, теневой экономики и т.п. По сути, оперируя объективными значениями, которые равнодушны ко всему, что не несет практической выгоды для двуногого говорящего животного в полном соответствии с природной программой, каждое из таких «животных» связывает с этим объективным значением сугубо меркантильный интерес. Соответственно,

когда в период очередной предвыборной кампании тот или иной депутат объективно говорит правильные вещи, на самом деле каждый, равно как и сам выступающий перед избирателями политик, слышит в этих правильных словах только то, что лично ему выгодно. Поэтому, когда от слов народный избранник переходит к конкретному делу, его поступки не только разочаровывают вчерашний электорат, но, нередко, вызывают бурный протест и критику.

Напротив, иницирующие социальное взаимодействие значащие символы коррелируют со «значением для меня» (А.Н. Леонтьев), которое выступает синонимом личностного смысла. Поскольку, как утверждает Мид, коммуникация невозможна вне актуализации значащих символов, понятно, что не что иное, как «символ, который отвечает в конкретном случае на значение, возникающее у первого индивида, и который также вызывает значение у второго индивида» (цит. по: Ритцер, 2002: 248) являет собой единицу сознания, выступающую неотъемлемой составляющей процесса смыслообразования. Именно в силу того, что такая единица сознания, с одной стороны, являет собой результат субъективизации объективно накапливаемого извне индивидуальной информационной системы опыта, с другой, – объективации опыта, который формируется изнутри системы, она предстает лишенной какого бы то ни было «шкурного» интереса. Будучи оторвана от биологических потребностей конкретного организма, эта единица сознания обретает статус общезначимой для всех ценности, выступая знаком подлинности коммуникативной личности, которая противостоит активности безличностного механизма как данного природой объекта.

Другими словами, в отличие от отмеченного рациональностью значения, функционирование которого, как правило, не предполагает наличие упоминаемого Мидом внутреннего поведения, смысл – это всегда результат осуществляемого изнутри сознания поступка, требующего воплощения вовне. С этой точки зрения смысл всегда шире значения,

поскольку он рождается «...в момент осознания непосредственно не данного отношения между значениями сочетающихся элементов...» (Новиков, 1983: 17). Для иллюстрации обратимся к так называемой визуальной поэзии – стихотворению Джонсона EYELEVEL EYE. Очевидно, что сами по себе значения не рожают смысл, виртуально присутствующий на границе таких значений, как EYE (ГЛАЗ), LEVEL (УРОВЕНЬ), EVE (КАНУН), EVE (Ева), EYE (ГЛАЗ). Смысл возникает исключительно тогда, когда потенциальные, имманентно присущие значениям отношения актуализируются индивидом, осуществляющим коммуникацию с опосредованным текстом культуры автором.

Так, например, принимая задаваемые Джонсоном правила игры, согласно которым палиндромическая конструкция демонстрирует рядоположенность входящих в нее значений, нельзя безоговорочно согласиться с переводом лексемы EYE (ГЛАЗ), поскольку в отличие от лексемы EVE (КАНУН), отмеченной высоким стилем, EYE (ГЛАЗ) – слово обыденной речи. В итоге необходимость соблюсти предлагаемые поэтом правила делает более приемлемым другой перевод EYE (ОКО). В данном контексте и лексема LEVEL (УРОВЕНЬ) предстает не столько в качестве некой неизменной планки, сколько линией горизонта, до которой, кажется, рукой подать, но не тут-то было! Также и Ева – это не просто имя, но знак грехопадения, изгнания из рая на землю и т. п.

В итоге актуализируемый нами субъективный смысл стихотворения Джонсона может быть сформулирован следующим образом: мы вечные изгнанники, обреченные блуждать по свету в поисках смысла, который остается неуловимым, всякий раз скрываясь от нас за линией горизонта. Не осознавая того, что все наши деяния находятся под недремлющим оком вселенной, канун слияния с которой и предрешен, и близок, мы слепо верим. Если в этом бесконечном беге по кругу нам удастся найти хоть какое-то оправдание собственному бытию, тем, кто пойдет следом за нами дорога к себе уже не покажется столь непроходимой. В то же время, такое отличное от

нашего прочтение текста Джонсона, как, например, ГЛАЗ НА УРОВНЕ ГЛАЗ не может рассматриваться результативным с точки зрения смыслообразования по одной простой причине. Этот последний вариант с очевидностью примитивизирует первоисточник, сокращая количество присутствующих в нем значений, что обуславливает его нулевую ценность.

Другой иллюстрацией положения, согласно которому «смысл изречения, аналогии, сопоставления, образа» предстает как «выражение некой истины или ценности, которая шире данной конкретной формы» (Кузнецов, 1975: 3) служит бахтинская оппозиция данное–созданное, где второй член предстает на уровне целого, первый – части этого целого. Соответственно, именно в процессе оценивания того, что изначально противостоит мне, будучи в отношении меня нейтральным, происходит *связь* одного с другим, опознаваемая на уровне со-бытия. Поскольку, как пишет Бахтин, подлинное со-бытие требует перевода движущихся в разных ценностных контекстах индивидов в единую ценностную плоскость таким образом, чтобы каждый из них стал ценностью вне своей жизни, воспринимая «себя как другого среди других...» (Бахтин, 1994: 134), мы имеем все основания высказать следующую гипотезу.

Актор, достигающий единства смысла и значения как единства невербального и вербального, иррационального и рационального, внутреннего и внешнего, с неизбежностью выходит за рамки своей природы, выступая носителем такой ценности, которая не ограничивается сугубо частным, нацеленным на удовлетворение индивидуальных потребностей биологического организма интересом. В отличие от работающего на эгоистический интерес «равнодушного значения» смысл, как «значение для меня», несет в себе приметы альтруизма, что позволяет квалифицировать его с позиции общего для всех блага, т.е. с позиции *интерсубъективности*. Именно последняя демонстрирует принципиальное несовпадение реализованного посредством объективного значения смысла и собственно

объективного, т. е. нейтрального значения, которое существует как данность, вне ценностной направленности коммуниканта.

Предположительно, ничто другое, как имманентная смыслу двойственность служит фундаментом для творчества языковой личности. Иницируя речепорождение акторов с целью согласования неизбежных для любой коммуникации противоречий (моя речь против речи моего партнера), она коррелирует с двойной перекодировкой вербальных и невербальных элементов индивидуальной информационной системы, обеспечивая языку статус искусства. В итоге объективированный на уровне значений личностный смысл может быть квалифицирован как «продукт некоторого целемерного созидания.., руководимого не столько потребностями биологического организма, сколько внутренней идеей самого творчества, как *sui generis* деятельности сознания» (Шпет, 2007: 438).

Здесь весьма уместно вспомнить о майевтике Сократа, суть которой заключалась в пробуждении у сограждан нравственного разума – т. е. произрастающей на почве всеобщей объективности субъективной всеобщности (Виндельбанд, 1995: 130). В данном контексте нравственный разум – коррелят истины, которая «дремлет в каждом из нас без нашего ведома» (Виндельбанд, 1995: 131). В силу того, что основанный на взаимодействии акторов коммуникативный акт Сократ выстраивал таким образом, чтобы создать оптимальные условия для выявления искомой истины, его мышление являет собой образец мышления ищущего (Виндельбанд, 1995: 131). Думается, что именно такое ищущее мышление полностью отвечает творческому поиску «как *sui generis* деятельности сознания» (Шпет, 2007: 438). Его результативность связывается нами с гармонизацией отношений, складывающихся между индивидами в акте коммуникации. При этом само коммуникативное взаимодействие определяется тем, что тактика и стратегия каждого из акторов преследует лишь одну цель: обрести в своем *vis-à-vis* того единственного свидетеля,

который только и способен признать его правоту, отказавшись от собственных заблуждений.

Понятно, что в данном случае речь идет не столько о личной выгоде, сколько о совместном поиске истины, обретение которой одинаково выигрышно для всех участников коммуникативного акта. Не случайно «именно там, где один реагирует на то, что адресует другому, и где этот собственный отклик становится частью его поведения, где он не только слышит себя, но реагирует на себя, общается и отвечает себе точно так же, как ему отвечает другой человек» (цит. по: Ритцер, 2002: 253), с неизбежностью актуализируется упоминаемое Мидом *социальное взаимодействие*. Речь идет о таком «целостном социальном процессе, частью которого становится индивид» (цит. по: Ритцер, 2002: 253). То обстоятельство, что процесс смыслообразования изначально ориентирован на обретение истины со стороны вступающего в коммуникативное пространство актора (напомним, что существительное *истина* этимологически близко глаголу *есть* (от *быти*), т. е. тому существу, которое отличается от мнимого, не существующего) позволяет утверждать, что становление искомого процесса всегда проходит под знаком эмотивности (Шаховский, 2008; Ионова, Шаховский, 2012: 137-148). Причем, если присутствующие в языке актуальные эмотивы «запускают» процесс познания, то потенциальные эмотивы обнаруживают свою причастность процессу смыслообразования. Аргументация представленной позиции строится на том основании, что смысл как единица сознания также предстает на уровне потенциально возможного феномена, отличающегося от своего актуализированного состояния. Более того, предшествуя любой актуальности, присутствуя в любой из них исключительно на уровне потенции, смысл обретает свое существование «лишь в действии, в динамике, как источник все новых и новых актуальностей.., являясь условием творения каждого акта...» (Кудряшова, 2005: 293).

Знаменательно, что обуславливающая наличие потенциативов имманентная для любого значения эмотивная валентность *arīoti* позволяет видеть в каждом из них символ. Принимая во внимание высказанную Мидом мысль о том, что именно символы играют решающую роль в формировании у индивида способности поступать исключительно по-человечески, т. е. осознанно, мы считаем необходимым подчеркнуть: не что иное, как потенциальные эмотивы уводят индивида, с одной стороны, от автоматизма восприятия, с другой – от спонтанности языка. В этом – объективная для каждого индивида возможность «не пассивно откликаться на реальность, которая навязывает себя, а активно создавать и воссоздавать мир...» (Кудряшова, 2005: 262).

В данном контексте видится верной установка, согласно которой потенциальные эмотивы, инициирующие преодоление индивидом автоматизма восприятия и обеспечивающие таким образом непрерывное зановорождение языкового знака, обнаруживают точки соприкосновения с лексемой. Имеется в виду семантическая единица, осознаваемая как «совокупность значений и их оттенков, входящих в структуру ...целостного языкового знака» (Виноградов, 1980: 93). Поскольку специфическая особенность обоих заключается в семантических метаморфозах, происходящих ввиду «выделения, создания и осознания таких оттенков значения, которые не обязательно входят в общеречевую характеристику...» (Виноградов, 1980: 94), нельзя не признать правомочность следующего утверждения. Сознательно осуществляемая актуализация этих потенциально присутствующих в них оттенков значения кардинально отличается от оперирования «мертвым обобщенным понятием» (В. Гумбольдт), являя собой процесс смыслообразования. Последний «одновременно фундирует и область объективированных значений», и область субъективного смысла или иначе – «интериоризованных значений как единиц сознания» (Кудряшова, 2005: 227).

Думается, что наиболее благоприятной средой для обучения процессу смыслообразования является художественная коммуникация. Ее значимость обусловлена тем, что, как правило, установка на противоречие изначально предстает в качестве специфической особенности художественного творчества. Помимо этого, художественный текст никоим образом не может рассматриваться с позиции готовой речевой формы, поскольку единственная данность, которую такой текст актуализирует – это данность вопроса, ответ на который остается в введении читателя, зрителя или слушателя. Достаточно вспомнить слова Д. Писарева о том, что «писателю надо желать, чтобы его произведение только будило в читателе деятельность мозга, только наталкивало его на известный ряд идей, и чтобы читатель, следуя этому импульсу, сам выводил бы для себя крайние заключения из набросанных эскизов» (Писарев, 1995-1996: 276).

Воплощая собой установку на со-бытие как гармонизирующий диалог, складывающийся между данным и созданным, познавательным и этическим, рациональным и иррациональным, смыслом и значением, всякий текст культуры предстает в качестве универсального тренажера для упражнений ума в метафизике. Другими словами, именно посредством текста культуры происходит аппроксимация личностных смыслов при их различии, благодаря чему мы приближённо в каждой ситуации с разной степенью глубины понимаем интенцию автора. Более того, поскольку понимание есть непонимание, неизбежное для художественной коммуникации согласование противоречий осознается как имманентная для всякой коммуникации необходимость, игнорирование которой приводит к неразрешимым конфликтам.

Другими словами, только после осуществляемой в пространстве художественной коммуникации оздоровительной, нацеленной на формирование сущностных сил человека, гимнастики индивиду будет по силам осуществлять самые разные типы коммуникации нехудожественной. Лишь пребывая в непрестанном духовном бодрствовании, поддерживаемым

смыслообразующей деятельностью сознания, участвующий в коммуникативном акте речевой субъект может действительно осознанно говорить, проявляя «способность отслеживать, что произносится в данный момент, и определять, что будет сказано далее» (цит. по: Ритцер, 2002: 253) не только на уровне абстрактной теории, но и на уровне поступка. Вне отмеченного единства происходит неизбежная деградация поступка, когда «все богатство культуры отдается на услужение биологическому акту. Теория оставляет поступок в тупом бытии, высасывает из него все моменты идеальности в свою автономную замкнутую область» (Бахтин, 1994: 52-53), обедняя его и, тем самым, предельно примитивизируя.

Именно поэтому весьма перспективными для лингвистического сообщества видятся научные разработки, осуществляемые под знаком полипарадигмальности. Во-первых, обозначенный ракурс позволяет осуществить проекцию категории эмотивности в пространство художественной литературы, музыки, изобразительного творчества, в том числе таких синтетических видов искусства, как балет, опера, театр, кинематограф и др.

Во-вторых, отмеченный характер исследований, в эпицентре которых будет феномен эмотивности даст импульс к интеграции лингвистики и риторики, что видится одинаково перспективным для обеих отраслей гуманитарного знания. Здесь особенно важной представляется установка на внутреннюю форму слова, которая напрямую связана с мотивацией (Крысин, 2007). Достаточно напомнить, что в процессе «развития языка вследствие происходящих в нем структурных изменений внутренняя форма некоторых слов может затемняться и даже утрачиваться» настолько, что «связь слова с другими словами, послужившими основой для образования данного, перестает осознаваться говорящим» (Крысин, 2007: 36-37). Наконец, в-третьих, реализуемая в отечественной гуманитарной науке полипарадигмальность позволит осуществлять комплексное решение

проблем, среди которых *homo verbo agens* видится одной из глобальных проблем XXI века.

Выводы:

Подытоживая вышеизложенное, остановимся на наиболее значимых результатах, полученных в ходе исследования:

1) социолингвистический статус смысла как единицы сознания определяется его интерсубъективностью, которая инициируется взаимодействием внутреннего и внешнего, иррационального и рационального, невербального и вербального, субъективного и объективного;

2) психолингвистический статус смысла как единицы сознания напрямую связан с его ценностной направленностью, обусловленной личностной мотивацией актора, которая предстает лишенной всякой меркантильности, что дает основание рассматривать смысл с позиции общего для всех блага;

3) лингвистический статус смысла базируется на тезисе, согласно которому эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления, смыслообразования, опредмечиваясь в полистатусных эмотивах, важнейшим из которых является потенциальный эмотив;

4) актуализация процесса смыслообразования происходит посредством эмотивности, как универсального метода организации коммуникативно-языкового процесса. Если *потенциальные* эмотивы инициируют процесс смыслообразования, то *актуальные* эмотивы обеспечивают его направленность, способствуя в итоге рождению в человеке собственно человеческого и обеспечивая индивиду возможность реализовать себя на уровне полноправно владеющей своей речевой собственностью целостной эмоционально-коммуникативной личности.

Ссылки – References in Russian

Бахтин, 1994 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – Киев: Next, 1994. – С. 69–255.

Бахтин, 1994 – *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве// Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: Next, 1994. – С. 257–321.

Бахтин, 1994 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – Киев: Next, 1994. – С. 11–68.

Богин, 1993 – *Богин Г.И.* Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь: ТГУ, 1993. – 138 с.

Виндельбанд, 1995 – *Виндельбанд В.* О Сократе// Лики культуры: Альманах. – М.: Юрист, 1995. – С.121–142.

Виноградов, 1980 – *Виноградов В.В.* Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 362 с.

Волкова, 2017 – *Волкова П.С.* Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2017, № 16 (4). – С. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>

Волкова, 2019 – *Волкова П.С.* Человек и текст: к вопросу об изоморфизме// Научный потенциал вуза – производству и образованию: сб. мат. I Межд. науч.-практ. конф. – Армавир: АГПУ, 2019. – С. 258–264.

Волкова, Кочубей, 2019 – *Волкова П.С., Кочубей И.В.* История одного заблуждения: “Senecio” Пауля Клее //Музыкальный альманах: научно-практический журнал. – Томск: ТГУ. – 2019, № 7. – С. 8–20.

Гумбольдт, 1984 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 452 с.

Ионова, Шаховский, 2012 – *Ионова С.В., Шаховский В.И.* Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект // Антропология языка: сб. ст. – М.: Флинта, 2012. – С. 137–148.

Кибрик, 1992 – *Кибрик А. Е.* Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: МГУ, 1992. – С. 123–130.

Крысин, 2007 – *Крысин Л.П.* Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 240 с.

Кудряшова, 2005 – *Кудряшова Т.Б.* К вопросу о виртуальности // Т.Б. Кудряшова. Онтология языков познания: монография: В 2-х ч. Ч. I. – Иваново: ОАО Изд.-во «Иваново», 2005. – С. 293–300.

Кузнецов, 1975 – *Кузнецов Б.Г.* Путешествие через эпохи. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 192 с.

Левин, 1994 – *Левин И.Д.* Сочинения: В 2-х т. Т. I. – М.: Радикс, 1994. – 408 с.

Леонтьев, 1983 – *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.

Мамардашвили, Пятигорский, 1997 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.

Межличностная коммуникация: теория и жизнь, 2011 – *Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова и др.* – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

Новиков, 1983 – *Новиков А. И.* Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

Палкин, 2002 – *Палкин А.Д.* Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности: автореф. ...дис. канд. филолог. н.: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2002. – 24 с.

Пелевин, 2017 – *Пелевин В.О.* Жизнь насекомых. – М.: Аст, 2017. – 288 с.

Писарев, 1955-1966 – *Писарев Д.* Московские мыслители // Собр. соч.: в 4-х т. Т.1. – М.: Гослитиздат, 1955-1956.– 391 с.

Рейковский, 1979 – *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.

Ритцер, 2002 – *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

Съедин, 2004 – *Съедин В.Н.* Принципиальное обоснование возможности объективизировать речемышление //Л.С. Шишкина-Ярмоленко. Язык и познание. Опыт лингвистической антропологии. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 210–231

Флоренский, 1994 – *Флоренский П.* У водоразделов мысли: в 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – 447 с.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Шаховский, Волкова, 2017 – *Шаховский В.И., Волкова П.С.* Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4. – С. 138–163. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Шаховский, Волкова, 2019 – *Шаховский В.И., Волкова П.С.* Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия ВГПУ. – 2019, № 1. – С. 132–138.

Шпет, 2007 – *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова//Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 323–438.

Щедровицкий, 1995 – *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Шк. Куль.Полит, 1995. – 280 с.

References

Bakhtin, M. (1994) Author and hero in aesthetic activity // *Works of the 1920-ies*, Kiev, Next, pp. 69–255 (in Russian).

Bakhtin, M. (1994) The problem of content, material and form in verbal art // *Works of the 1920-ies*. Kiev, Next, pp. 257–321 (in Russian).

Bakhtin, M. (1994) To the philosophy of action// *Works of the 1920-ies*. Kiev, Next, pp. 11–68 (in Russian).

Bogin, G. (1993) *The substantial side of understanding the text*, Tver, TSU, 138 p. (in Russian).

Florensky, P. (1994) *At watersheds of thought*: in 2 volumes T. 2. M.: Publishing House “Thought”, 447 p. (in Russian).

Humboldt, V. (1984) *Selected works on linguistic*, M., Progress, 452 p. (in Russian).

Interpersonal communication: theory and life (2011) *Interpersonal communication: theory and life* / O.I. Matyash, V.M. Pogolsha, N.V. Kazarinova et al. St. Petersburg, Speech, 560 p. (in Russian).

Ionova, S., Shakhovskiy, V. (2012) Man and his linguistic environment: the ecolinguistic aspect // *Anthropology of the language: Sat. Art.* M., Flint, pp. 137–148 (in Russian).

Kibrik, A. (1992) Correlation of form and meaning in a grammatical description // Kibrik A.E. *Essays on general and applied issues of linguistics*, M., Moscow State University, pp. 123–130 (in Russian).

Kudryashova, T. (2005) To the question of virtuality // T.B. Kudryashova. *Ontology of cognitive languages*: monograph: In the 2nd part of Ivanovo, Part I, OJSC Publishing House of Ivanovo, pp. 293–300 (in Russian).

Kuznetsov, B. (1975) *Journey through the ages*. M., Young Guard, 192 p. (in Russian).

Krysin, L. (2007) *Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography: textbook*. allowance for students. filol. Fak. higher textbook. institutions. M.: Publishing. Center “Academy”, 240 p. (in Russian).

Leontiev, A. (1983) *Selected psychological works*: In 2 volumes, T. 1. M., Pedagogy, 392 p. (in Russian).

Levin, I. (1994) *Works*: In 2 volumes T. I. I. M., Radiks, 408 p. (in Russian).

Mamardashvili, M., Pyatigorsky, A. (1997) *Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language*, M., School “Languages of Russian Culture”, 224 p. (in Russian).

Novikov, A. (1983) *Semantics of the text and its formalization*, M., Nauka, 216 p. (in Russian).

Palkin, A. (2002) *Lexico-morphological means of expressing emotions in the ontogenesis of speech activity*: author. ... dis. Cand. Philologist, N., 02.10.19 - Theory of language, M., 24 p. (in Russian).

Pelevin, V. (2017) *Insect life*, M., Ast, 288 p. (in Russian).

Pisarev, D. (1955-1966) *Moscow thinkers // Pisarev D. Sobr. Op.*: in 4 vols. M., Goslitizdat.T.1., 391 p. (in Russian).

Reikovskiy, I. (1979) *Experimental psychology of emotions*. M., Progress, 392 p. (in Russian).

Ritzer, J. (2002) *Modern sociological theories*, St. Petersburg, Peter, 688 p. (in Russian).

Sedin, V. (2004) *Principle substantiation of the possibility to objectify speech thinking // L.S. Shishkina-Yarmolenko. Language and cognition. The experience of linguistic anthropology*, St. Petersburg, Asterion, pp. 210–231 (in Russian).

Shakhovskiy, V. (2008) *Linguistic theory of emotions*. M., Gnosis, 416 p. (in Russian).

Shakhovskiy, V., Volkova, P. (2017) *Emotivity as a principle of cognitive and sense-forming activity of consciousness // World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal. № 4. P. 138–163. Access Mode: www.tverlingua.ru* (in Russian).

Shakhovskiy, V., Volkova, P. (2019) *Emotivity as a method of entry into the space of interpersonal communication* // *Izvestiya VGPU*, No 1, pp. 132–138 (in Russian).

Shpet, G. (2007) *The internal form of the word* // Art as a form of knowledge. Selected works on the philosophy of culture, M., Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 323–438 (in Russian).

Shchedrovitsky, G. (1995) Initial representations and categorical means of activity theory // G. P. Shchedrovitsky . *Selected Works*, M., Shk.Kul.Polit, 2 90 p. (in Russian).

Vinogradov, V. (1980) *Selected Works*, M., Nauka, 362 p. (in Russian).

Volkova, P. (2017) *Language and speech in the space of culture: interpretation and reinterpretation* // *Bulletin of Volgograd State University*, No. 16 (4), pp. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20> (in Russian).

Volkova, P. (2019) Man and text: on the issue of isomorphism // *The scientific potential of the university - production and education: Sat. mat. I Int. scientific-practical conf. Armavir, ASPU*, pp. 258–264 (in Russian).

Volkova, P., Kochubey, I. (2019) The story of one fallacy: “Senecio” by Paul Klee // *Musical almanac: scientific and practical journal*, Tomsk, TSU, No. 7, pp. 8–20 (in Russian).

Windelband, V. (1995) About Socrates // *Faces of Culture: Almanac*, M., Lawyer, pp. 121–142 (in Russian).